

RUGRAM

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

ФАУСТ

Трагедия

ФТМ

УДК 821.112
ББК 84(4Гер)
Г44

Гёте И. В.

Г44 Фауст : [трагедия] / Иоганн Вольфганг Гёте ; [пер. с нем. Б. Л. Пастернака ; коммент. И. Е. Бабанова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2022. — 634 с. — (Серия «Мировая классика»).

«Фауст» И. В. Гёте — величайшее произведение мировой литературы. Оно сродни самому мирозданию, столь сложна его композиция и образная структура. Гёте стремился запечатлеть грандиозную мистерию человеческого поиска, который определяет жизнь и ведет к постижению вечной истины.

Текст трагедии приводится в непревзойденном переводе Б. Л. Пастернака с комментариями знатока немецкой культуры И. Е. Бабанова.

УДК 821.112
ББК 84(4Гер)

© Пастернак Б. Л., наследники,
перевод на русский язык, 2022

© Бабанов И. Е., наследники,
комментарии, 2022

© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ISBN 978-5-521-74502-9

В ДОМИКЕ ГЁТЕ

Домик, где родился Гёте, страшно разочаровал меня... И это разочарование легло на душу печалью нескольких дней. В первый приезд во Франкфурт-на-Майне, когда я ехал осматривать старые части города, я вдруг увидел на стене большого коричневого дома мраморную доску с надписью: «В этом доме родился Гёте 29 августа 1749 года». Я заволновался. Но на предложение сейчас же сойти с экипажа и осмотреть его я отказался... «На это надо особый день... Нельзя смешивать впечатление от него с другими впечатлениями»...

И промежуток с неделю, до вторичного приезда во Франкфурт, я продумал о великом старце Германии.

Выньте «Гёте» из «Германии», — одного человека из целой страны, — и она вся вдруг потеряет значительную часть своего сияния. Потеряет больше, чем если бы Шекспира вынуть из «Англии». Дело в том, что около Шекспира Англия имела еще несколько таких же колоссальных личностей, с гением равным, с натурой столь же неутомимою, пылкою, творческою, низвергающею миры и созидающею из себя миры: Бэкона, Мильтона, Байрона... «Личность английского народа поэтому не укоротилась бы и не сузилась бы из-за отсутствия Шекспира. Совсем напротив — Германия. Все ее развитие было несравненно уже и беднее, чем английской нации. В *волевом отношении* она выдвинула, правда, двух колоссов — Лютера и Бисмарка; но второй был «правительственное лицо», а первый был реформатор веры, — и как одно, так и другое слишком

специально и не дает из себя сияния на целую культуру», не говорит ничего об уме и гении *общества* и *племени*. Великие философы Германии, в особенности — Кант? Но для *общества* как-то и он нехарактерен: затворник своего кабинета, он, кажется, никогда не перешел даже на соседнюю улицу. Какой же он «представитель общества»?.. Шекспир, Байрон, Мильтон, Гёте, связанные с обществом ежедневной жизнью, творившие среди общества, писавшие для общества, находившие себе возлюбленных среди общества, оцененные при своей жизни обществом, — вот выразители «германской массы» в ее *идеальных возможностях*... «Германцы не имеют права измерять себя Кантом, которого и из современников понимало только сто человек, — и, говоря строго, только два человека: Фихте и Шеллинг; и из последующих поколений каждое «понимало Канта» только в лице такой же сотни высохших кабинетных умов. Напротив, Гёте понимали все, им восхищалась «Германия», и, следовательно, «Германию» мы не только можем, но и обязаны «измерять» беловолосым старцем, прожившим 82 года.

Это совершенно изменяет дело, — это *одно* и сразу повышает уровень, на котором стоит нация; повышает почву под нею.

В жизни каждой нации, даже самой счастливой и удачливой, возможны трагические, страшные минуты... Когда о жизни ее идет вопрос... Когда она окружена со всех сторон поднявшимися волнами злобы, гнева... и, наконец, усилия «не уважать».

Вот это усилие «не уважать», перекинувшись через имена Канта, Фихте, Шеллинга, — дойдет до подножия монумента, где стоит фигура Гёте... и отступит назад. «Не могу»... Снова поднимется волна, доплеснет досюда — и опять отойдет назад.

Можно Лютера «не уважать»: он был слишком очевидно негениален.

Можно «пренебречь» Кантом: что-то длинное, сухое, своеобразное, узкое, исключительное. Если и «гений», то «урод».

Но Гёте? Всякая критика остановится, и не найдется для него «презрительного Терсида», который бы охаял, злобствуя и плюясь.

Гёте — гармония.

Гёте — разум.

Гёте — мудрость.

Но выше всего в нем, — что он весь *гармоничен*, развит *равносторонне* в разные стороны... Что он есть *цветок*, у которого не недостает ни одного лепестка. Вот эта *живая органическая его цельность, полнота* способностей и направлений в нем и есть самая главная, ему исключительно присущая... Ибо ни на какой другой человеческой личности народы, страны и века не могли бы остановиться, сказав:

— Я удовлетворен, —

с тем покоем, твердостью и уверенностью, как на Гёте.

Мильтон был правдолюбец и поэт, Шекспир — великий сердцеев, поэт и живописатель нравов, Пушкин — «эхо» всех звуков, красок и цветов, Толстой — живописатель людей и вечно чего-то ищущий и не находящий, — но Гёте...

Одним уже *спокойствием* ума своего он как бы поднялся над всеми ими.

И тоже поэт...

И тоже мудрость...

Он знает все «тревоги» души человеческой, ее тоску, ее смятения: но, — как пишет Платон в «Федре», — этот «возничий» умеет «править конями»... и все восходит по дуге горизонта, как солнце, не зная ни возвратов, ни падений.

Главное-то и заключается в том, что Гёте не знает ни «возвратов», ни «падений», без которых ни один смертный не обходится...

Он поэт, философ, но не на манер Канта: его философия несравненно живописнее кантовской, плодотворнее, человечнее; прямо — мудрее. «В «мудрости» Гёте как бы задышала «мудрость» всей Германии, чего никак не скажешь о Канте. «Мудрость» его понятна детям, матерям, крестьянину, ремесленнику, чиновнику, всем.

Он так же «народен», как и высоко «интеллигентен». Вторую часть «Фауста» едва раскусывают умудренные в «философии»; а «Гец-фон-Берлихинген» и «Рейнеке-Лис» суть народные поэмы.

«Тихие долины» навертывают слезы на глаза старца, а «Лесной царь» слушается с замиранием сердца 11-летним мальчиком.

Через Гретхен он стал дорог всем девушкам, — целого мира.

Через Вертера — всем юношам.

В Фаусте и Мефистофеле он нашептывает слова, советы, предостережения мудрецам и старцам.

Он дал прекраснейшие, трогательнейшие выражения мировой наивности, мировой веры; это в том диалоге Гретхен с Фаустом, где она спрашивает возлюбленного: «верит ли он?» и «как верит?»

И дал высшее, самое *деликатное* выражение человеческого скептицизму, сомнению...

И, наконец, он же дал образ и дикого цинизма:

Мой совет — до обрученья
Дверь не отворять!
Хо-хо-хо!..

Пушкин в «Отрывке из Фауста» как бы дал «суть всего»... Но вышло именно только «как бы»... «Суть» «Фауста» именно в подробностях, в тенях, в переливах, в нежности, деликатности; эта суть в «нерешительности». И кто «реши-тельно» извлек «зерно всего», тот и разрушил «суть» этого единственного в мировой литературе произведения...

* * *

Гёте как бы вышел из всех цивилизаций в *их разрозненности* и соединил на себе их всех *сияние* и тонкий *аромат*.

Узкие церковники называли его «язычником»; хвастливая часть интеллигенции прибавила: «великий язычник». Но вспомним его любящие слова о представлении

крестьянами в одной деревеньке Саксонии «Страстей Христовых», и из этого мы поймем, что никакой вражды к христианству у него не было.

Но он был «немножко в стороне» и от христианства, как и с «язычеством» он нисколько не сливался.

Но от того и другого он взял прекраснейшее и слил его в «мире Гёте», совершенно особенном, его личном мире, который не был и ни христианским, и ни языческим, а только и просто «высоко-человеческим»...

Что можно указать высокого и благородного в христианстве, чему бы Гёте не поклонился? Есть ли хоть одна страница в Евангелии, которая у него вызвала бы кривление губ? Разве в Мефистофеле он нам не нарисовал духа зла, которого советы и философию мы ненавидим и проклинаем? Скажите, что очаровательного он придал этому духу зла, — как это придавали ему Лермонтов, Байрон и даже — мельком — Пушкин? Гёте наделил его только умом, — как в «зле» и действительно есть ум, смысленность, прозорливость, знание жизни. Но это все — «во зло». И Гёте показал ум Мефистофеля, как чисто разрушительную, дезорганизирующую способность.

Всеми силами души, которыми мы любим Гретхен, чистый цветок жизни, — мы этими самыми силами ненавидим Мефистофеля.

Где же зло и где же его антихристианство? Обвинять его в этом могут только «братцы Мефистофеля», если бы им что-нибудь из советов темного духа вздумалось ввести *внутри* церковной правды. Ну, если пастор похлопает по плечу Мефистофеля и за ним затянет:

Мой совет — до обрученья
Дверь не отворять...

тогда Гёте от такого пастора захлопнет дверь своего чистого и возвышенного мира и скажет: «В этой точке и линии я перехожу в языческий мир, потому что *тут* христианство темно и страшно».

Мир Гёте везде чист. Он везде ясен, спокоен и разумен. На стенах его не лежит, *даже как возможности*, ни одной

человеческой кровинки. Он так же наукообразен, в смысле точных наук, — как и философичен. Мысли и рассуждения Гёте о теории света, о развитии костей человека, о морфологии растения — предварили на несколько десятилетий великие европейские открытия... Но важность не в буквальном содержании этих мыслей, а, так сказать, в духовно-методическом: в том, что «в мир Гёте» они внесли этот научный, пытливый дух, дух наблюдения и опыта, — которого вообще другие великие поэты не касались, не умели коснуться... Например, «мир Толстого» явно противонаучен; «мир Пушкина» индифферентен в этом отношении; «мир Бэкона» — пытлив, но грубо непоэтичен.

«А мир Гёте» — в нем есть все, благословенное Богом и благословляемое человеком.

* * *

«Церкви европейские» в том отношении могут «точить зуб» на Гёте, что если бы пороками и злоупотреблениями своего духовенства они окончательно отшатнули от себя людей, то для этих последних мир Гёте представил бы что-то вроде единственной религии, куда переход был бы невозможен... Вот это *отсутствие* отчаяния, от которого спасает Гёте, — и есть причина ненавидения его ортодоксами, желавшими бы поставить человечество перед выбором;

— Или мы, нечесанные, пьяные, с насекомыми...

— Или — отчаяние, тьма, пропасть.

Гёте дал мостик «между»...

* * *

Я вошел с толпою посетителей в подъезд большого дома... И уже застал там другую толпу... Шум, говор мужчин и женщин... И над всеми ими возвышается отчетливый голос молодого служителя, из вахмистров или дворецких, с усами и счастливой, à la Вильгельм, физиономией, «объяснявшего» дом...